

АНАТОЛИЙ ГАЛКИН

ЗАЩИТА ВЗДОРНОГО
СВИДЕТЕЛЯ

ПАНСИОНАТ
«АРКАДИЯ»

Анатолий Галкин
Защита вздорного свидетеля
Серия «Пансионат «Аркадия»»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2347075

Аннотация

Хорошо быть молодым, здоровым и богатым!.. Миша Шустриков, сыночек маленького олигарха, едет развлекаться в Сочи. И здесь, в пансионате «Аркадия», он становится свидетелем убийства!.. От страха Миша бежит и прячется, а все улики указывают на Артура Шмакова, который случайно оказался на месте преступления.

Оксане Боровик, невесте Шмакова, приходится самой искать настоящих убийц, сотрудничать с адвокатом и полицией, устраивать побег жениха из СИЗО и бегать за вздорным свидетелем Шустриковым.

У нее всё получится!.. Если женщина любит, то для нее нет преград!

Анатолий Галкин

Защита вздорного свидетеля

Уже две недели пансионат «Аркадия» гудел слухами и сплетнями. Всех занимала не сама новость. О том, что их шеф Артур Шмаков рано или поздно женится на докторше Оксане Боровик, знали давно.

Но теперь, наконец, назначена дата свадьбы – это двадцатое мая. До Мендельсона, банкета и брачной ночи оставалось десять дней.

И вот теперь начиналось самое интересное. Сотрудники судачили по всем вопросам: что, где, кто и сколько?

Например, сколько будет гостей? Всех ли сотрудников «Аркадии» пригласят или только избранных? В чем будет невеста? С фатой или без?

А главное: где будет свадьба? Если в «Аркадии», то будут ли сотрудники гостями или обслугой?

Жених с невестой всё это знали, но их занимали другие вопросы.

Оксана не могла понять, как нерешительный Артур решился сделать предложение. И не просто походя, типа: «Ну, мы как, будем жениться? Давай пойдем в ЗАГС»...

Нет, в начале мая он в жаркий день пришел к ней в костюме, с бабочкой и с охапкой белых роз.

Она стояла лицом к двери на краю ковра и не могла ничего вымолвить...

Начал говорить он:

– Оксана, отойди назад на два метра.

– Зачем?

– Чтоб коленкам не было больно!

– Чьим коленкам?

– Моим, конечно... Вот ты, Ксюша стоишь на ковре. А я сейчас бухнусь перед тобой на колени, и куда? На кафедру? Больно же...

– Больно... Артур, а зачем тебе на колени падать?

– Это я потом скажу... Ты найди пока банку для цветов. Неудобно держать. Я сейчас развалю всю эту охапку.

Оксана побежала за вазой... Потом они вдвоем красиво установили букет на ее столе... А затем сами разместились в центре кабинета. Но встали именно так, чтоб перед Артуром был ворсистый ковер.

Оксана, предчувствуя серьезный разговор, скрестила руки на груди и замерла...

Они стояли очень близко друг к другу. Когда Артур натурально упал перед ней на колени, то он почти уперся Оксане в живот. Чтоб говорить, видя ее лицо, Шмакову пришлось закинуть голову.

– Оксана, я раньше говорил, что жить без тебя не могу?

– Говорил.

– Это было правильно! Это верно, но не так, как надо... Сейчас я тебе официально заявляю, что люблю тебя.

– Тогда, Артур, прими ответное заявление – я тебя тоже люблю. Честное слово!

– Отлично!.. А я боялся...

Шмаков встал в полный рост и облегченно вздохнул. Половина сложного дела была сделана. Но оставалось самое главное.

– Оксана! Я давно собирался тебе сказать что-то важное... Ты знаешь, о чем?

– Не знаю, Артур, но догадываюсь...

– Вот именно это!.. Я предлагаю тебе руку и сердце!.. Одним словом, пойдем завтра в ЗАГС. Я уже там договорился. Нас быстро распишут... Ты согласна?

– Я должна подумать.

– Не понял... Это как?

– А вот так, Артур!.. Если ты официально, то и я действую по всем правилам!.. Девушка не должна сразу соглашаться. Тогда она выглядит слишком доступной и легкомысленной... Я должна подумать!

Шмаков опешил. Он, конечно, очень волновался, но не ожидал такого поворота... А если она будет думать месяц? Или подумает и откажет? А если у нее еще кто-то есть?

У Артура закружилась голова, и совсем пересохло во рту...

Шмаков попытался спросить ее о самом главном, но язык плохо шевелился...

Он с трудом произнес:

– Я не понял, Оксана... Ты долго будешь думать?

– Долго!.. Целую минуту.

Оксана взглянула на часы, которые висели над дверью... Секундная стрелка двигалась медленно и лениво. Ей-то что! Ей спешить некуда... Через сорок секунд Оксана почти закричала:

– Да!! Я согласна!.. Я скорей хочу в ЗАГС. Прямо сейчас.

– Уже вечер! Они там все разбежались... Пойдем завтра! Рано утром... Так значит теперь ты моя невеста?

– Вот именно!.. И целоваться мы можем теперь официально! Даже при всех... А не как-то там исподтишка.

Это было неделю назад.

На следующий день, еще до подачи заявления жених и невеста собрали коллектив и в общих чертах объявили о предстоящей свадьбе.

А сегодня он приехал из банка с большим черным кейсом и решил поставить все точки там, где надо... Он созвал всех, кто сейчас не работал с отдыхающими.

Всего в кабинет набилось человек пятнадцать.

Понятно, что Оксана стояла по правую руку от жениха, а все остальные напротив.

Шмаков открыл кейс и показал зрителям... Внутри было красиво! Там лежали наши российские деньги. Около сотни банковских упаковок... Одна с пяти тысячными, пять-шесть с тысячными, а остальные пачки с купюрами меньшего номинала.

– Здесь – полтора миллиона! Если надо, то добавлю еще!.. Нам для свадьбы ничего не жалко!

Заявление прозвучало ярко, но чуть старомодно. Как у купца первой гильдии.

– Гулять будем здесь, в «Аркадии». В столовой, в холле и на вольном воздухе... Еду и официантов закажем в ресторане, а все сотрудники и отдыхающие – наши гости. Как говорится – танцуют все! И понятно, что вместе с семьями, друзьями и подругами.

Сказав главное, Шмаков открыл сейф и начал забрасывать туда пачки денег, как дрова в топку паровоза.

Закончив эту финансовую операцию, Артур продолжил.

– Я тут набросал схему праздника. Прошу помочь... Надо закупить шампанское, петарды для салюта, всякие ленты, гирлянды, цветочки-розочки... И все подумайте, как сделать это дело ярко. Чтоб навсегда запомнилось!

* * *

Миша Шустриков очень любил Сочи. Он бывал здесь по два раза в году. Хорошо, что финансовые условия позволяли – его отец владел в Москве механическим заводом «Передовик».

Если честно, то завода почти не осталось. Но было заводоуправление, был клуб, цеха и территория почти в центре Москвы... Оборотистый Владимир Петрович использовал всё это на 200 %.

Он сдавал в аренду залы, комнаты, этажи, мастерские. Он подтянул сюда всех родственников и знакомых со своей малой родины. Эти простоватые люди служили ему верой и правдой.

Правда, характер у старшего Шустрикова был вздорный. И по каким-то генам это передавалось сыну. Тот тоже любил выкручивать всем руки, орать и изредка уходить в запой... Но Миша не умел руководить и не стремился к власти. Он понимал, что займет место отца, но не спешил с этим делом. Пока вот уже десять лет он мотался в Сочи и каждый раз заводил новых подружек.

В этот раз он поселился в пансионате «Аркадия». У него был отличный одноместный номер с одноместной кроватью... А уже к вечеру оказалось, что ему нужен люкс с большим будуаром.

Прямо на площади у вокзала Михаил увидел мечту всей своей жизни... Толстая девичья коса, черные густые брови, длинные ресницы и огромные карие глаза. И все остальные параметры – как на заказ.

«Мечта» стояла с чемоданом на колесиках и обзирала окрестности.

Миша подошел свободно, гордо и вразвалочку.

– Добрый день, красавица... Я бизнесмен из Москвы – Михаил Шустриков.

– А я из Полтавы... Меня зовут Мила.

– Очень точное имя!.. Ты первый раз в Сочи.

– Первый!.. Вот взяла и приехала.

– Есть где остановиться?

– Нет...

Пока Людмила Кравчук не соврала ни разу. За исключением невнятной фразы «Вот взяла и приехала».

Мамаша долго внушала Миле, что русские мужики глупее хохлов и значительно богаче. Украинца просто так на «черные брови и карие очи» не возьмешь. Он хитрый, хваткий и сам себе на уме... А русак простоват, влюбчив и доверчив.

– Только запомни, Мила! Сразу не отдавайся. Это только отпугнет... Играй невинную девочку.

– Мамочка, а когда отдаваться?

– Не сразу!.. Надо сначала всё проверить.

– Чувства?

– Вот дура! При чем тут чувства?.. Надо проверить, не женат ли он. Богатый ли, щедрый ли, честный ли?.. А то наобещает три короба, возьмет своё и в кусты.

– Я поняла, мамочка... А что еще проверять, прежде чем начать?

– Надо, Людмила, понять, насколько он на тебя запал... Сейчас много таких, кто использует девушку, как подружку. И никакой страсти, никаких поползновений.

– Не та ориентация!

– Вот именно, дочка... Тут не наука, а искусство! Нужна особая интуиция...

– А если он очень богатый?

– Вот тут другое дело... Если почувствуешь, что все сходится, то можно и в первый день. Но при этом всё равно отпирайся. Будто бы он насильно тебя берет... Пусть, гад, навсегда вину свою чувствует!

Мила Кравчук была очень послушной девочкой. И она делала всё, как учила ее мать... Но в прошлом году при поездке в Анапу ничего не получилось.

Первый парень был всем хорош! Смотрел на нее, как на богиню... Но оказался офицером. А они сейчас не котируются.

Второй, сорокалетний бизнесмен был скучный и не очень активный. Она уже сама ему отдавалась, а он никак не брал... Только время с ним потеряла!

С третьим всё сложилось по полной программе – красивый, богатый и влюбчивый. Мила просто млела в его руках... Но она была близорука, а очки носить стеснялась. И только на пятый день Людмила разглядела на его безымянном пальце след от обручального кольца... Снял, подлец, еще в поезде и носил в плавках, в кармашке на молнии.

В этом году Милочка Кравчук решила приехать сюда... Сочи – это вам не Анапа! Это город Олимпиады... Здесь резиденции двух лидеров государства!

Людмила верила, что здесь она подцепит подходящего мужика... Ей не надо большого олигарха с особняками и с шестью яхтами. Она согласна на маленького с трехэтажным коттеджем и с одной яхточкой.

Миша ей сразу понравился.

Следа от кольца у него не было... Он ходил вразвалочку, а не строевым шагом... Из его бумажника торчали доллары, а таксисту он кинул пять тысяч.

С вокзала они сразу отвезли вещи в «Аркадию». Там в шикарном номере Шустрикова они впервые поцеловались. Мила немножко противилась, сжимала губы, но потом сдалась...

Девушка четко поняла, что он заглотнул наживку! Он ее хочет!

А Миша опять решил, что это его судьба – красивая, скромная, послушная... Судя по ее неумелому поведению, он первый, с кем она целовалась.

Но жить в этом номере вдвоем невозможно. Он заранее спланирован для одного человека.

Шустриков спросил, почти не сомневаясь в ответе:

– Милочка, будешь жить со мной в одном люксе.

– Не знаю... Если только в разных комнатах... Или хотя бы под разными одеялами, то я согласна.

– Тогда пойдем к директору. Сейчас посмотришь, как московские бизнесмены делают дела.

Они почти бежали по тропинкам к административному корпусу... Шустриков жил в «Аркадии» не так долго, но он сразу понял, что обстановка изменилась.

Везде бегали какие-то люди и ящиками и коробками. В кабинет директора что-то заносили, а потом уносили... Но это были их дела.

А Мише Шустрикову нужен люкс с большой кроватью, и он добьется своего в любом случае.

Парочка ворвалась к Шмакову, несмотря на то, что у директора был народ...

Кабинет напоминал склад... На подоконнике и рядом лежали коробки с китайскими петардами. Ближе к дивану громоздились ящики с заморским шампанским. Справа от сейфа валялись мешки с чем-то мягким. На шкафу стояли десятки конфетных коробок.

Сотрудники обсуждали не отдых курортников, подсветку фонтанов, форму и время салюта, украшения на деревьях и гирлянды в столовой. Но самое смешное, что каждую минуту произносилось слово свадьба.

Миша распахнул всех и вплотную подошел к Шмакову.

– Господин директор, мне нужен просторный люкс. И немедленно!

Артур переглянулся с Оксаной. Он немного опешил от такой наглости, но мельком глянул на список отдыхающих и произнес максимально вежливо:

– Я вас понимаю, Михаил Владимирович. И я смогу вам помочь, но только через десять дней.

– Как это через десять? Почему?

– Понимаете, у нас свадьба. И все люксы напрочь заняты гостями. Как, кстати, и все другие номера.

– Мне плевать на ваших гостей! Мне нужен люкс сейчас. И я его получу!.. Да или нет?

– Нет, Михаил Владимирович!.. А хотите я позвоню начальникам соседних санаториев? У кого-нибудь обязательно есть люкс.

– Понятно, господин директор! Надеетесь вышвырнуть нас из «Аркадии»?.. Не получится! Хотите войны? Будет война! Я сделаю так, что никакой свадьбы не будет!

– Нет, товарищ Шустриков, свадьба будет! Будет потому, что мы с Оксаной любим друг друга... А любовь побеждает все преграды!.. Итак, спасибо, молодой человек. Покиньте помещение и не мешайте работать.

Шмаков явно гордился собой... А что? Про любовь он сказал очень красиво. Завтра эту фразу будут повторять все сотрудники... И Оксана запомнит это навсегда.

Но в это же время полтавская тигрица Мила Кравчук решила, что пришло время продемонстрировать «жениху» свою верность.

Она подскочила к Артуру, схватила его за рубашку, начала трясти и орать.

– Как ты разговариваешь с Михаилом? Кто ты такой?.. Ты думаешь, что ты жених? Ты – козел плешивый!

У Шмакова никогда не было большой шевелюры. Кроме того, последнее время у него действительно стали редеть волосы на макушке. И Артур очень этого стеснялся...

А разъяренная тигрица Милка Кравчук, упомянув прическу Шмакова, сразу вцепилась ему в виски и начала вырывать последнюю красоту.

Ребята быстро отцепили ее от директора, и парочка гордо удалилась.

Все молчали, напрочь забыв, чем они занимались до того.

Обстановку немного разрядила Оксана.

– Какая смешная парочка! Людмила, понятно, для него играла. Зарабатывала очки... А каков Шустриков. Сначала показался нормальным парнем.

Артур уже пригладил волосы и чуть успокоился.

– Верно, что казался! Точно говорят, что деньги портят людей... Получил от папаши сто тысяч баксов, и сразу показалось, что весь мир в его кармане... Из моей практики – самый вздорный отдыхающий.

* * *

Они встретились не в людном месте, а на окраине «Дендрария». Уставшие посетители сюда не заходили. Тем более в разгар жаркого майского дня... Вода в море еще не прогрелась, но полежать на пляже и подышать особым морским воздухом более приятное занятие, чем глядеть на австралийскую пальму с мудреным названием.

На одинокой лавочке сидели двое мужчин среднего возраста. Для поколения «Пепси» это были старики. А для глубоких пенсионеров – вполне еще молодые люди... Сидящим на скамейке было около пятидесяти лет.

Вокруг было пустынно, но они говорили шепотом, часто меняя позы и придвигаясь к уху собеседника.

– Поверь, Виктор, это верное дело. И почти без риска... Я всё продумал!

– Вот это меня и пугает.

– Ты считаешь меня полным дураком?

– Нет, конечно... Ты извини, Никита, но легкая придурь в тебе есть. Ты до сих пор считаешь, что бег в мешках это вершина развлечений.

Возможно, Никита обиделся, и они около минуты молчали... Потом «обиженный» продолжил беседу.

– Хорошо! Давай оставим мешки в покое... Давай четко по моему предложению. Я сам видел, как Шмаков спрятал в сейф полтора миллиона... Ты мне веришь?

– Верю...

– Дыру в заборе я тебе показал еще месяц назад. Она почти рядом с корпусом, где кабинет Шмакова... Показал дыру?

– Показал...

– Слепки ключей я тебе сделал?

– Сделал...

– Не понимаю, Виктор, что тебя смущает?

– Слишком всё просто!

– А тебе надо, чтоб обязательно сорвалось на какой-то загогулине... Только работать надо не ночью, когда полная тишина. Начинать надо в одиннадцать. Уже темно, но еще шумно. Еще сериалы не закончились, а где-то у соседей дискотеки гремят.

– Это ясно... Хорошо, Никита! Если возьмем полтора лимона, то пятьсот кусков мои. Остальное делим на три части – тебе и двоим моим ребятам.

– Это значит, что триста тридцать три тысячи?

– Каждому!

* * *

Уходя из кабинета Шустриков от злости и вздорности характера смачно хлопнул дверью... Раздался характерный перезвон.

Точно! ключи директора торчали в двери. И это был не один ключ, а целая связка... Миша осмотрел приемную – секретаря, Карины, на месте не было.

Он на цыпочках подошел к замку и нежно вынул ключ... Теперь он знал, как мстить!

– Вот что, Мила! Сегодня спать нам придется на моей узкой кровати. Безвыходное положение!

– Если безвыходное, то да... Но только обещай, что без того самого.

– Это, Милочка, как получится... Но перед кроватью мы зайдем сюда.

Миша победно потряс связкой ключей.

– Мы придем с тобой сюда и устроим им Варфоломееву ночь!

– Это как?

– Разбросаем по полу все конфеты, польем их шампанским, запалим петарды и убежим!

– Ты молодец, Мишка! Здорово придумал... Только все конфеты разбрасывать не будем. Сначала я съем одну коробку...

Была еще середина дня и парочка поехала к парку «Ривьера»... До вечера они обошли четыре ресторана, откусав в каждом что-то оригинальное. Вроде осетрины в красном вине или кальмаров, фаршированных мидиями, грибами и грецкими орехами.

Около одиннадцати вечера они вернулись в «Аркадию»... Почти все окна были темны, кроме столовой. Очевидно, что там «жених» с друзьями занимались украшательством...

Шустриков шел впереди и вел Милу по темным аллеям... Пришлось перетрясти связку, пока нашелся нужный ключ от боковой двери корпуса.

Потом проход по полутемным коридорам, и вот она – приемная директора.

Ключ от кабинета нашелся сразу... Они вошли, и Михаил запер за собой дверь... Зачем? А так – на всякий случай.

Если везде горели тусклые лампочки дежурного освещения, то в кабинете была полная темнота.

Они стояли и ждали, пока привыкнут глаза.

От страха Мила прижалась к парню, а опытный Миша дал волю рукам... Его суматошные ласки становились всё откровенней, и наконец он потащил девушку к широкому директорскому дивану.

Перед тем, как лечь, они замерли в долгом тихом поцелуе... И в этой тишине за дверью раздался шорох и послышался скрип от ключа, вставляемого в замочную скважину.

Миша шустро схватил девушку в охапку и потащил за диван. Очевидно, что его недавно отодвинули от стены, освобождая место для свадебных товаров... Часть коробок уже там стояла, прикрывая парочку от входа. Они сели на пол и затаились...

В кабинет вошли трое...

И это не директор с сотрудниками!.. Это были явно посторонние люди, которые вели себя осторожно. Они не включили верхний свет, а зажгли бра над умывальником.

Незнакомцы говорили мало, называя друг друга странными именами – «Старик», «Левша» и «Суслик»... Просто не имена, а бандитские клички!

Было ясно, что они работают около сейфа. Они ругались, что какой-то «придурок Никита» сделал плохой слепок ключа, и теперь сейф не так просто вскрыть... Не просто, но можно!

«Левша» что-то подпиливал на ходу, и наконец дверь со скрипом открылась.

Вероятно, бандиты вывалили на стол пачки денег и стали быстро считать... Наконец «Старик» сообщил: «Порядок! Все полтора миллиона».

Мила Кравчук почему-то решила, что названа сумма в долларах... А это такие деньги, что у девушки зашло сердце. Она непроизвольно сказала «Ой» и встала за диваном.

Уже через три секунды она поняла всю опасность своего поступка. Она толкнула коробки, стоявшие вдоль стены, и бросилась к двери.

Перескочив через стол и, разбрасывая пачки денег, за ней рванулся «Суслик» – парень очень крепкой наружности.

Спортсмен догнал Людмилу у двери, схватил за волосы и развернул к себе. Он понял, что девица сейчас начнет орать...

«Суслик» моментально попытался ладонью левой руки прикрыть её пухлые губы. Но Мила откинула голову, и несколько бандитских пальцев провалилось ей в рот...

И она не упустила момент!.. Девушка со всей силой сжала крепкие молодые зубы!

Боль была дикая!..

В первый момент «Суслику» показалось, что его пальчики хрустнули, и косточки раздробились на кусочки... Он никому бы не простил такой подлости и такого свинства!

Юра Суслов выхватил из кармана заточку, размахнулся и всадил сверху вниз. В то место, которое называется красивым словом декольте...

Девушка что-то прохрипела и упала, ударившись головой о дверь.

«Суслик» хотел вынуть из тела и вытереть заточку, но его остановил голос «Старика».

– Ты что наделал, сопляк? Только трупа нам здесь не хватало... Посмотри за диваном. Вдруг там еще кто-нибудь...

Шустриков сообразил, что счет пошел на доли секунды. Он встал в полный рост и бросил взгляд на троих налетчиков. Он запомнил их навсегда!

А через секунду Миша поднял тяжеленное кресло и кинул его в окно. Потом он сам взлетел на подоконник и прыгнул вниз... Но не на кресло, а чуть правее, туда, где была мягкая клумба.

«Суслик» просто не хотел догонять и, кроме того, он был очень далеко от окна... И «Левша» никогда не был мастером спорта. Прыжки вниз – это не его профиль!

А «Старик» и подавно не любил физкультуру... Он подошел к разбитому окну, глянул вниз на разломанное кресло, от злости бросил горящую сигарету в пачку петард на подоконнике и обернулся к «Суслику».

– Оттащи девку от двери, мокрушник!.. Надо срочно бежать. Через три минуты здесь будет толпа народа.

Он скинул в сумку деньги, которые остались на столе и побежал трусцой к выходу. Туда, где рядом дырка в заборе...

«Суслик» и «Левша» бежали за ним...

А сигарета, брошенная «Стариком» потихоньку тлела в коробке с петардами...

Ветра почти не было и огонь никак не разгорался...

* * *

Ему казалось, что за ним гонятся!

И Михаил побежал не туда, где, на ночь глядя, еще работали люди. Он побежал не прямо к столовой, а стал петлять по дорожкам, как опытный заяц...

В зал, где готовились через два дня играть свадьбу Оксаны и Артура, он подошел не с главного входа...

Отдышавшись, Миша Шустриков появился со стороны кухни и сразу заговорил с Оксаной. Она растягивала гирлянду и была ближе всех к нему.

– Давайте помогу, госпожа Боровик!.. Мне даже как-то неудобно.

– Почему это?

– Я как бездельник наблюдаю за вашей работой. Уже полчаса здесь стою.

– Миша, а где же ваша подружка.

– Это вы про Милку Кравчук... Мы с ней давно разошлись, как корабли в море! Сразу после ужина... И я теперь один. Вот стою тут уже полчаса и скучаю.

Оксана зацепила наконец край гирлянды и спустилась со стремянки... Чувствуя, что их беседу слушают все, она задала Шустрикову очень ехидный вопрос.

– Но днем вы требовали от нас номер-люкс! И, как я понимаю, для совместного проживания с этой Милочкой... А теперь вдруг «разошлись»... Ветреный вы мужчина, Михаил!

– Да, Оксана! Я такой... Если бы не ваша свадьба, я бы и к вам подкатился.

– Вы, Миша, не в моем вкусе!

– Знаю!.. Поэтому тихо стою здесь тридцать минут и завидую вашему жениху.

Про эти выдуманные «полчаса» Миша упомянул уже третий раз... Это было его алиби! Надо, чтоб все запомнили, что он был в столовой, когда эту девку убивали.

Михаил был личностью вздорной, но он не был дураком. Он понимал, что четкое алиби нужно не только для полиции, но и для налетчиков, которые будут искать лишнего свидетеля...

И Шустриков решил закрепить память о своем визите в столовую... Нужно было что-то яркое – скандал или драка.

И он придумал!

– Я не шучу, Оксана! Я в вас почти влюбился... Полчаса наблюдал, и просто восхищался вашими формами. Особенно, когда вы на стремянке – там полный обзор!

Опытный Шустриков считал, что после таких слов у жениха Артура вскипит кровь, и он рванется в драку... Но, вероятно, что Шмаков просто не услышал последних слов. Он встал и подошел к окну, которое выходило на административный корпус.

– Там что-то странное! В моем кабинете свет горит. А я точно помню, что всё выключил... И как-то необычно – будто бы окно распахнуто... Пойду посмотрю!

Артур вышел через главный вход. И все попытались смотреть в окна, рассматривая кабинет директора... А Миша на минутку юркнул на кухню. Там на столике сестры-хозяйки стоял обычный городской телефон.

Шустриков взял трубку платочком и набрал стандартный телефон полиции «02»...

На полицейском телефоне ответил женский голос... Миша говорил быстро, четко, но с каким-то густым кавказским акцентом – дикая смесь грузинского с бакинским и ереванским.

– Слушай, дорогая! Я всё видел! Директор «Аркадии» только что зарезал девушку...

– Какую девушку?

– Красавицу, украинку из Полтавы... Прямо, как барана, понимаешь!

– Где это было?

– Он прямо в своем кабинете. Только что!.. Я мимо шел и всё видел.

– Назовите себя!.. Вы кто?

– Я – прохожий!

Михаил аккуратно положил трубку и поспешил ко всем, кто глядел в окна на директорский кабинет.

Шустриков протиснулся между двумя официантками и обнял их за талию, опуская руки всё ниже и ниже... Та, что была постарше, восприняла это хамство с некоторым удовольствием. А молодая встрепенулась, вскрикнула, развернулась и вlepила Шустрикову оплеуху...

Она забыла наставления шефа о том, что отдыхающий всегда прав!

Но Миша был доволен!.. Пощечина была такой звонкой, что ее не могли не заметить. Теперь все запомнят – он был здесь, был с ними, а не ходил куда-то звонить.

* * *

Как врач, Шмаков не верил во всякую мистику. Но он допускал, что у человека есть инстинкты, нюх и интуиция...

И вот сейчас это внутреннее чутье подсказывало ему, что свет в его кабинете это серьезно и страшно.

Шмаков огибал корпус так, что его кабинет оставался с другой стороны. Иначе бы он сразу заметил разбитое окно и остатки кресла, развалившиеся возле клумбы.

Боковая дверь была открыта.

Артур ускорил шаг и даже побежал по лестнице... Он открыл дверь своего кабинета и замер!

И дело не в том, что вокруг был полный бардак – выбито окно вместе с рамой, открыт сейф, вокруг разбросаны бумаги, пачки денег и красивые вещицы с письменного стола... Но дело не в этом!

Самое страшное, что в углу лежала девушка с заточкой в груди...

Она лежала навзничь и слегка хрипела, а значит, что была еще жива.

Как врач, Шмаков машинально бросился к пациенту. Он сел рядом с девушкой и рванул платье на ее груди, обнажая рану... Кровь не била фонтаном, не пульсировала – она маленькой струйкой текла из-под заточки.

Артур схватился за лакированную рукоятку, собираясь вытащить самодельный кинжал. Но он вовремя вспомнил, что хирургия не рекомендует этого делать – может быть только хуже...

Вообще-то Шмаков был слабым врачом... У него был особый склад ума. Его голова могла перед экзаменом заглотать кучу информации, а потом всё это испарялось, освобождая место для новой порции знаний.

Вот сейчас он совершенно не помнил, как остановить кровь, и вообще – что делать в подобных случаях?

Артур сидел на полу в липкой красной луже. Он приподнял девушку, подтянул к себе и уложил ее лопатки на свои ноги...

Шмаков понимал, что пострадавшая умирает у него на глазах. Он суетливо шарил руками вокруг заточки, пытаясь нащупать ту вену, которую следует пережать...

И одновременно он почувствовал запах дыма.

Правильно говорят, что нет дыма без огня!.. Ночной бриз раздул тлеющую бумагу и лежащая на подоконнике коробка с петардами загорелась!

Дрожащей рукой Артур вытащил свой мобильник и хотел набрать какой-то номер. Или полиции, или «Скорой помощи», или пожарных из МЧС.

Он даже не успел позвонить, а под окнами раздался вой сирен, скрежет тормозов, топот мощных каблучков и лязг автоматных затворов...

Полиция приехала сама и, главное, быстро.

Молодцы!

* * *

Три полицейские «Нивы» под вой сирен и цветомузыку «мигалок» встали на площадке перед административным корпусом.

Первым вышел старший группы – майор Фирсов... Еще минуту назад он сомневался, срывая людей по анонимному звонку. Но теперь понял, что всё идёт в масть!

Интуиция подсказывала Михаилу Петровичу, что сегодня у них есть шанс задержать убийцу!.. Трупа пока нет, но почему у клумбы валяется кресло, почему разбито окно в кабине Шмакова и почему на подоконнике горит подозрительная коробка?

Вслед за Фирсовым вылезли его оперативники из «Убойного отдела» и группа бойцов ОМОН. Эти ребята были без масок, но с автоматами и в бронежилетах... Без команды старшего они рассредоточились, передернули затворы и направили оружие на странное окно второго этажа.

Майор подумал, что операция начинает напоминать захват боевиков в горном ауле.

Понятно, что Шмаков не террорист. Они с Оксаной – добрые приятели Миши Фирсова. Почти друзья!.. Но анонимный звонок был! А, как учит полковник Сироткин, на сигналы общественности надо реагировать быстро и невзирая на лица.

Фирсов решил для начала окружить корпус. Он хотел дать команду на этот счет, но не успел.

Взорвалась первая петарда!

Эта небольшая ракета, похожая на сардельку на палочке, должна была стартовать вертикально в небо и там взрываться красивым салютом... Но почти сгоревшая коробка лежала боком, и петарда со злым шипением полетела вперед и вниз.

Она ворвалась в окно средней «Нивы» и взорвалась там оглушительно и ярко.

Вторая ракета ударила бойца в бронежилет. Это не больно, но очень обидно!.. Кому приятно, когда из тебя во все стороны искры сыплются?

И боец азартно дал длинную очередь в окно кабинета... Потом он шарахнул в стену из подствольного гранатомета.

Вся группа ОМОН решила, что прошла команда «Огонь!», и все стали усердно обстреливать окно, из которого на них с визгом летели ракеты...

Всё завершилось за минуту...

Сначала закончились петарды. Потом опустели магазины у «Калашниковых». И, главное то, что в наступившей паузе майор Фирсов заорал диким голосом: «Прекратить огонь! Почему начали без команды?.. Окружить здание. Больше не стрелять! Всех брать живыми»...

Услышав тишину, повалил народ из столовой и даже из спального корпуса.

Где стреляют, там интересно!.. Каждый хочет ощутить опасность. Риск – благородное дело!

Фирсов с оперативниками зашел в корпус через боковой вход... Молча поднялись на второй этаж.

Они шли по широкому холлу, держа в руках пистолеты. Майор – впереди. Двое ребят чуть сзади и справа. Двое других – чуть сзади и слева...

Они наступали на кабинет Шмакова тактическим строем Тевтонских рыцарей под названием «свинья».

Перед дверью Фирсов крикнул для порядка: «Вы полностью окружены! Сдавайтесь немедленно!.. Сопротивление бесполезно».

Майор крикнул это и вошел...

Он не узнал знакомый кабинет...

ОМОН хорошо стреляет! В окно палили семь автоматов. По тридцать патронов в одном магазине... Значит в стене над дверью и в потолке около двухсот пробоин... В воздухе стойкая пыль, на полу каменная крошка, пачки денег, бумаги, карандаши и всякие мелочи с письменного стола.

Сейф открыт!

Но вот в углу сам Шмаков, склонившийся над трупом... Нет! Пока не над трупом! Полуобнаженное тело девушки еще хрипло дышало.

Фирсов понимал, что неэтично приставать с допросом к умирающей потерпевшей. Но он не удержался. Он наклонился и ласково спросил красавицу из Полтавы: «Кто это вас так ранил?.. Нам сообщили, что это господин Шмаков».

Глаза у Милы загорелись. Она хотела сообщить что-то важное... Для разговора ей надо было глубоко вдохнуть. Это она смогла сделать... А вот выдохнуть у нее не получилось.

Девушка вздрогнула и замерла.

При виде смерти всё становится мелким, ничтожным и глупым... Оперативники стояли столбами. И Михаил на три минуты впал в ступор.

Но смерть – дело житейское! Все там будем...

Фирсов решил, что пора работать.

– Гражданин Шмаков, мы застали вас на месте преступления! Это вы убили девушку?

– Нет, не я.

– Никто не хочет сознаваться в убийстве!.. Но пойми, Артур – вот ты, а вот труп. А нам позвонили и сказали, что Шмаков девушку зарезал... Потом это – вооруженное сопротивление! Между прочим, одна «Нива» сгорела, а двое ребят пострадали.

– Я не сопротивлялся. Это петарды для свадьбы. Они сами загорелись.

– Сами?.. Поймите, Шмаков, для суда – это детский лепет... Скажи, Артур, на заточке есть твои отпечатки?

– Вероятно, да... Я брался за рукоятку, когда хотел вытащить.

Майор сделал два шага назад. Там стойко стояли его оперативники, направив четыре пистолета на дрожащего и грязного Шмакова.

Фирсов хлопнул в ладоши, привлекая к себе внимание.

– Значит так, ребята... Я не верю, что это Артур, но все улики против него. Поэтому делаем так... Лейтенант Барсов берет подозреваемого в наручники и везет в отдел... Слави́н берет понятых и с криминалистами работает здесь... Все остальные – поиск и допросы свидетелей... Всё ясно? Тогда – поехали!

* * *

Успешные адвокаты стараются жить в центре города. Дорогая и шикарная квартира сразу говорит клиенту, что этому юристу удавалось вытаскивать сложные дела. А значит, и платить ему надо щедро.

Осип Семенович Штурм имел особняк в районе Зимнего театра. Этот коттедж был построен недавно, но было видно, что строители хорошо изучали историю архитектуры...

Просторный трехэтажный домик вобрал в себя шедевры всех времен и народов!

Здесь было накручено всё – римский портик над фасадом, элементы мрачной готики, веселое барокко с завитушками, окна в стиле «модерн». А вход напоминал крыльцо русского терема. Башенки на крыше были скопированы с замков в долине Луары.

Адвокат Штурм имел хороший вкус, но был веселым человеком. Эту архитектурную мешанину, он называл праздником жизни.

Внутри особняка Осип Семенович тоже не сохранял единый стиль. Он коллекционировал «всё прекрасное»... На стенах коттеджа висели иконы, картины реалистов, импрессионистов, модернистов. На широких полках почти вперемешку стояли шкатулки «Палеха», бронзовые фигурки эпохи Возрождения и яркий советский фарфор довоенных времен.

Оксана бывала у адвоката несколько раз. Ее привел сюда Шмаков, который когда-то сделал что-то хорошее для Штурма... Непонятно, что это было, но при встречах адвокат все время заявлял, что он должник Артема.

Как профессионал, Семен Осипович сразу вошел в курс дела. Он верил в честность Шмакова однозначно.

– Я вижу Артема насквозь! Он может пошутить, может рискнуть или нарушить глупые инструкции. Но резать красивых девушек – это не его стиль.

– Я тоже верю Артему, но все улики против него!.. Что делать, Семен Осипович?

– Не надо впадать в панику... У меня, Оксана, были дела и посложнее! Сейчас есть одни улики, так потом будут другие.

– Так вы беретесь за это дело?

– Берусь! И очень крепко... Я должник товарища Шмакова. Пусть люди знают, что я всегда плачу долги!

Последние фразы Штурм произносил из соседней комнаты. Там он переодевался, готовясь к войне на всех фронтах.

Через пять минут он вышел, излучая адвокатский шарм и запах дорогого одеколона... На нем был серый костюм из ткани «с искоркой» и пестрый пышный галстук-бабочка в красных тонах.

Они поехали вместе. И через час были собраны все документы. Лучший адвокат Сочи Осип Штурм стал официальным защитником Шмакова...

Поскольку родственники Артура были далеко, то формально адвоката наняла Оксана. А в бумагах для полицейских следователей была справка из ЗАГС о том, что госпожа Боровик О. Л. является законной невестой подозреваемого.

Более того – она почти жена! Свадьба назначена на ближайшую субботу...

* * *

Майор принял у адвоката бумаги стоя, как верительные грамоты у посла.

В этот момент проводился допрос свидетеля, и добрый Фирсов на правах хорошего знакомого разрешил присутствовать не только Штурму, но и Оксане... Тем более, что Михаил уже «расколол» медсестру Громову и получил важный козырь обвинения – мотив убийства!

Семен Осипович и Оксана сели так, чтоб видеть лицо свидетеля. Светлана Громова не должна была «топить». Специально для гостей майор повторил основные вопросы.

– Так значит вы, Светлана Егоровна, подтверждаете, что накануне между Артемом Шмаковым и убитой Людмилой Кравчук была ссора.

Старшая медсестра выслушала вопрос, понутив голову. И Оксана Боровик и сам Шмаков были ее начальниками. И говорить против них – это себе дороже! Когда-нибудь, да аукнется...

Но в детстве мама всегда пугала Свету милицией. У нее на подкорке сидел образ сильных злых мужчин в форме, которые вдруг приходят и забирают в свои застенки... Сейчас они называются полицейскими, но это еще страшнее!

Громова подняла глаза и несколько секунд печально смотрела Оксане в глаза.

– Вы меня простите! Я вас с Артуром Олеговичем очень люблю, но здесь надо говорить правду и ничего, кроме правды... Да, гражданин начальник, у Шмакова был конфликт с этой шалавой!

Майор немного смутился... Если объективно посмотреть со стороны, то свидетельница Громова выглядела очень благородно, а он вел себя, как хитрый и злой следователь из НКВД.

– Я для вас, Светлана Егоровна, не «гражданин начальник». Вы же пока не подсудимая или осужденная... У нас идет спокойный дружелюбный допрос. Называйте меня попросту – Михаил Петрович.

– Понятно, господин майор...

– Хорошо, Светлана!.. Почему вы назвали Людмилу Кравчук «шалавой»?

– Это я зря! О покойниках нельзя говорить плохо... Но эта Милка просто достала! Ощетинилась, что мой кактус, злыми глазками на всех зыркает, а говор, как у привокзальной девки...

– Но драка между ними была?

– Странный вопрос!.. Какая это драка, Михаил Петрович? Совершенно без повода эта макака набросилась на Артура Олеговича... Она чуть лицо ему не расцарапала. Как кошка в него вцепилась и при этом выла, как...

– Как собака?

– Нет, товарищ майор. Она выла, как гиена!

– И, значит, Светлана Егоровна, после конфликта Шмаков мог обидеться на потерпевшую?

– Конечно, мог!

– Отлично! А на фоне обиды и большой неприязни подозреваемый мог подкараулить девушку и в состоянии аффекта убить.

– Вот уж нет, майор! Дудки!.. Шмаков – мужик добрый. Обиделся и быстро забыл!.. У него не могло быть никаких аффектов!

– Я же не утверждаю, Светлана Егоровна. Это просто версия... Я говорю чисто теоретически.

– А теоретически, гражданин полицейский, и вы могли убить... У вас алиби есть? Где вы были вчера около одиннадцати?

– Я дома был. Жена может подтвердить. Мы с ней уже спать собирались... Пойдите, Светлана Егоровна! Вы не забываетесь! Здесь я вас допрашиваю, а не наоборот... Подпишите протоколы. На каждом листе фразу: «С моих слов записано верно». Ну и дату, подпись...

Громова подписала бумаги, получила пропуск на выход и ушла... У самой двери она оглянулась и взглянула на Оксану виноватым взглядом.

После ухода свидетельницы майор Фирсов встал. Он не мог разговаривать со Штурмом сидя... Это был, конечно, адвокат, но он самый мудрый и важный защитник в городе.

Генерал среди адвокатов!

Фирсов понимал, что в этом деле у него на руках все козыри. Но он боялся Штурма!.. Семен Осипович всегда умел любую версию перевернуть с ног на голову... И наоборот!

И всё-таки майор пытался держаться бодро.

– Я полагаю, Семен Осипович, что в этом деле защите не светит!.. Все улики налицо. Весь состав преступления – объект, субъект, место, время, мотив... Вот заключение по отпечаткам на заточке, вот кровь на одежде Артема, вот время смерти. Всё совпадает!

– И у вас нет никаких сомнений?

– Ни на грамм! Всё чисто... О других версиях даже и не думаю.

– Жалко, майор.

– Что жалко?

– Жаль, что вы не думаете... Какими ключами открыт сейф? Кто разбросал часть денег, и где остальные? Зачем выбросили кресло в окно? Чей обгоревший окурок в коробке от петард?.. Это малая часть вопросов.

– А я, господин Штурм, отвечу сразу на все!.. Они не имеют отношения к делу. Всё очень просто! Где-то совпадение, где-то недоразумение, а где-то сознательное запутывание следов... Бросил кресло в окно, и пусть следствие ломает голову.

– Завидую я вам, майор!.. Легко жить, когда всё очень просто.

* * *

В олимпийском городе должно быть всё прекрасно – и море, и парки, и спортивные трассы и полицейское СИЗО... Это сооружение начали приводить в порядок в первую очередь. Камеры ремонтировали по европейскому стандарту.

Ушли в прошлое двухъярусные нары, открытые унитазы в углу, небольшие окна под потолком, грязные стены с остатками зеленой краски.

При сдаче объекта он смотрелся почти, как курорт. Вместо камеры на двенадцать коек с парашей – чистенький уютный номер на пятерых. Просторный номер с тумбочками, с буфетом, с обеденным столом и душем.

Но всё это было год назад, при торжественной сдаче объекта. Сейчас светлые стены покрылись картинками, надписями и рисунками. Мебель расшаталась и к пяти кроватям добавилась еще одна.

Население СИЗО изменилось мало. Сюда попадала не лучшая часть горожан. Изредка здесь встречались матерые бандиты или воры в законе. Чаще ловились мелкие урки, карманники, домушники и хулиганы. Совсем редко попадались маньяки и «мокрушники» – убийцы разного уровня.

Шмаков относился к последней категории. И это не бытовуха, не поножовщина по пьянке...

Заколоть полтавскую хохлушку в своем рабочем кабинете, это «высший пилотаж в криминальной» иерархии. И поэтому Артура в камере очень уважали.

Обычно молодым новичкам организуют прописку, устраивая всякие хохмы и подлянки...

Нарисуют, например, на стене боксера со зверской рожей и предлагают свеженькому сокамернику побить того типа. Под общий хохот неопытный заключенный бьет кулаками по стене... А знающий арестант небрежно бросит через плечо: «Пусть этот тип первым меня ударит. Тогда я ему покажу»...

Со Шмаковым ничего подобного не делали по ряду причин.

Во-первых – возраст. Он не был мальчишкой или молодым лохом.

Во-вторых – его крутили по убойной статье. А такие люди в авторитете.

В-третьих – Артура сразу пригрел смотрящий в камере по кличке «Шурин». Это был солидный добродушный мужчина, который выглядел лет на пятьдесят... По паспорту он значился очень красиво – Кирилл Ильич Шаранов.

Из всех традиций для новичков «Шурин» ограничился одной. Он сам придумал Артуру криминальный псевдоним – «кликуху». Но она была совсем не обидная, и просто совпадала с его должностью. Так в тюремной среде хозяин «Аркадии» стал «Паном директором».

Это потом Шмаков узнал, что смотрящий – опытный медвежатник. После первой посадки «Шурин» тридцать лет работал регулярно и безупречно.

Но и на старуху бывает проруха!

Недавно, работая над сейфом в тонких резиновых перчатках, Шаранов прорвал их в двух местах и оставил на замке отпечатки.

А теперь brave следователи пытались повесить на него всех «глухарей», все висячие дела по этой линии, все вскрытые сейфы Краснодарского края.

Артур долго объяснял «Шурину», что он не убивал Милу Кравчук. Он детально рассказывал о своих действиях от момента выхода из столовой до того, как его в наручниках повезли в СИЗО.

Кирилл Ильич ничему не верил и ехидно улыбался, заявляя, что и он совсем не виноват. И никто здесь не виноват. Просто у всех такая судьба-злодейка!

– Я так думаю, Артур, что твоя версия хорошая. Но она не пройдет.

– Слишком обычная. Очень простая, без изюминок и загогулинок.

– Но это правда, «Шурин». Так всё и было.

– Для суда нужна правдивая ложь!.. Придумай про ребят, которые вскрыли твой сейф, разбросали деньги, покурили около петард и стали насиловать девчонку.

– Они всё делали одновременно?.. Кто в это поверит?

– Еще как!.. Чем глупее версия, тем скорее в нее верят... Сочини, «Директор» красивую байку про любовь. Судьи – бабы! Они это любят.

– Какая любовь, «Шурин»?.. Эта Мила утром при всех набросилась на меня.

– Правильно! Это она тебя из-за ревности.

– К кому?

– К Оксане, конечно... А ночью Милка пробралась в твой кабинет в надежде на интим.

– С кем?

– С тобой, конечно! Вы с ней заранее договорились... Ты хоть и «Директор», но тормоз...

– Да, «Шурин», я что-то туго соображаю.

– Тогда слушай дальше!.. Ты приходишь, а тут ребята с сейфом закончили и собираются твою милашку оприходовать. Ты, конечно, бросился спасать, а главный насильник засадил девке заточку.

– И сделал это со словами: «Так не доставайся же ты никому»!

– Хорошо придумал, Артур! Нормальная фраза... Только суд не очень поверит. Отпечатки твои есть, труп есть, а насильники сбежали. Нет других свидетелей!.. Если разжалобишь судью, то даст тебе не пятнашку, а на два-три года меньше.

Они долго молчали... Кирилл Шаранов начинал верить, что «Пан директор» не убивал.

Понимал он, что и сам сядет надолго. А так неохота менять Сочи на Колыму или Мордовию.

– Есть выход, Артур!.. Нам надо бежать.

– Зачем?.. Всё равно же поймают.

– А мы с тобой ляжем на дно. И уже там будем искать настоящего убийцу... У тебя, Артур, деньги есть? А хорошие связи в городе?

– Полно!.. А как мы убежим?

– Придумаем!.. Было бы желание, деньги и друзья. Остальное – дело техники!

* * *

Такой обстановки в «Аркадии» еще никогда не было!.. Все сотрудники ходили злые и понурые.

Причины были очень разные!

Кто-то сочувствовал своему шефу и верил в его невиновность.

Кто-то осуждал Шмакова и жалел «бедную девочку».

Кто-то сокрушался о несостоявшейся свадьбе. Вернее, о банкете, который обещал быть ярким, пышным и обильным.

Кто-то думал о работе, которая у всех валилась из рук – садовник не поливал цветы, массажистки массировали вяло, повар пересолил и первое и второе.

Отдыхающие тоже не очень-то веселились... Все притихли, кроме одного!

На следующий день Миша Шустриков бегал по «Аркадии» немного – от завтрака до обеда. Всего несколько часов. Но дел успел наделать он немало! Он шумел, как десяток базарных баб во время ссоры.

Парнишка имел вздорный характер, но он не был дураком. Михаил прекрасно понимал, что тогда в кабинете он пять секунд смотрел в лица преступников и запомнил их навсегда.

И Шустриков точно знал, что бандиты знают, что он их запомнил. Он единственный и бесспорный свидетель.

Он именно такой свидетель, которого надо убрать!

Миша бегал по «Аркадии», приставал к каждому встречному и рвал на себе волосы. Он почти рыдал, вспоминая красавицу из Полтавы. Он ругал себя за то, что они накануне повздорили, и он не был с ней в последние часы.

Это должны были запомнить все! И, когда бандиты начнут искать того, кто прятался за диваном, то получится, что там был кто угодно, но не он...

Пусть ищут!

А еще Шустриков сообщал всем, что не останется в этом вертепе, где людей режут прямо в кабинете директора. Он, якобы, немедленно едет в Москву. И не самолетом или поездом, а на машине случайного знакомого по какой-то секретной дороге.

Пусть бандиты ищут приятеля, его машину и странную дорогу!

Потом пусть ловят его в Москве! А он будет жить почти рядом – в Хосте, в маленьком домике Жанны Айвазян.

Эту женщину Миша вспоминал с нежностью и восторгом. Ей сейчас под пятьдесят, а тогда она была молодая одинокая красавица...

Точно! В тот август ей было всего тридцать шесть лет.

В тот год Миша только окончил школу и сразу поступил в институт... До первого сентября оставались три недели, и счастливые родители решили порадовать будущего студента.

Владимир Петрович Шустриков к этому времени уже был бизнесменом средней руки. Он выделил сыночку десять тысяч баксов и отправил его в Сочи.

Предполагалось, что Миша снимет номер в хорошей гостинице у моря. Но в зале прилета аэропорта всё сразу пошло наперекосяк.

Знойная женщина Жанна Айвазян пыталась найти пару курортников, готовых снять часть ее домика в Хосте... Михаил остановился рядом и смотрел на армянку, как зачарованный.

Через пять минут он понял ситуацию и согласился снять сразу обе комнатки, которые сдавала Жанна. При этом он предложил заплатить в три раза больше!

У хозяйки был отдельный вход, но через кухню две половины дома соединялись.

Юный Шустриков еще не имел в любовных делах практического опыта. С одноклассницами у него, конечно, были шуточные объятия и театральные поцелуи.

Но тут совсем другое дело! Тут взрослая женщина, которая ждала от него совсем других нежностей. А он только со страстью смотрел на жгучую брюнетку Жанну, вздыхал и облизывался.

А она уже на второй лень пригласила его к себе, усадила на диван и стала рассказывать, глядя его по голове, как ребенка. Она говорила о своих двух мужьях, о знакомстве с ними, о причинах развода.

На третий день они уже сидели обнявшись, а Жанна общалась с Мишей, как с сокровенной подругой. Она говорила о своих девичьих мечтах, о первой брачной ночи, о неумелых мужьях, которые делали всё не так, как ей хотелось.

В какой-то момент Михаил настолько расхрабрился и возбуждился, что повалил женщину на диван и стал целовать везде, где только можно.

Жанна не возражала и не сопротивлялась. Она только прошептала: «Выключи свет, дорогой. Соседи могут увидеть»...

Он побежал к выключателю, а она за эти секунды успела освободиться от части одежды...

Следующие две недели были раем для Михаила. Он не видел пальм, моря, ресторанов... Самым важным для него была Жанна – ее улыбка, ее глаза и все ее прелести...

Улетая из Сочи, Шустриков даже заплакал, прощаясь со своей ненаглядной, со своей любимой, со своей первой женщиной.

Потом он часто приезжал в Сочи с молоденькими подружками из Москвы. Но каждый раз ездил в Хосту. Он обязательно выбирал несколько дней для свиданий со стареющей Жанной Айвазян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.